

Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I

Записка эта составлена по поручению г. Владимирского Губернского Предводителя Дворянства С. Н. Богданова. Цель этой записки назначена была мне самим Предводителем Дворянства, и заключалась именно в том, чтобы собрать по возможности все известия, относящиеся ко времени пребывания Петра I в Переславле и к оставшимся здесь после него кораблям, яхтам и галерам, как исторические, так и сохраняющиеся до сего времени в народной памяти. Относительно исторических известий я пользовался: а) статью академика Устрялова «Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 года», помещённой в журнале Министерства Народного Просвещения, и б) «Деяниями Петра Великого» Голикова; собранием преданий я обязан преимущественно Н. С. Бельскому, протоколисту Переславского Уездного Предводителя.

с. 51

В жизни Петра I много светлых минут, много блистательных подвигов; лучше, вся она есть трудный подвиг для пользы и славы своего Отечества. Среди этих подвигов, один, при всей своей кажущейся незначительности и маловажности, особенно обращает на себя наше внимание; один как бы служит исходною точкою всех его великих предназначений. То — рассказ Петру Князя Якова Фёдоровича Долгорукого о бывшей у него астрольбии, рассказ, переданный впоследствии нам самим Петром, — и, наконец, сама астрольбия, привезённая ему из Парижа тем же Князем Долгоруким, который в 1687 году 27 февраля отправился послом во Францию и возвратился в Москву 15 мая 1688 года. Петру было тогда только четырнадцать лет. Любопытство юноши-гения было глубоко затронуто: сильно захотелось ему доведать употребление этого загадочного для него инструмента и применить его к делу. Явился учитель Франц Тиммерман; начались математические уроки.

с. 52

В то время, когда быстро развивалась любознательность молодого Монарха; когда он с жадностью искал познаний, могущих ему служить руководителями в деле управления; в то время Петру естественно было вспомнить об одном из его предков, питавшем глубокое уважение ко всему иноземному, и пересмотреть оставшееся после него наследство. Тот предок был Никита Иванович Романов, двоюродный брат Царя Михаила, скончавшийся в 1654 году; тот предок, по словам Олеария, лично его знавшего, очень жаловал иноземцев, любил немецкую музыку, даже иностранную одежду, и выезжая на охоту, наряжался в немецкий кафтан. То наследство хранилось в амбарах Царского села Измайлова, в семи верстах от Москвы. [7 км] Вот, в мае месяце 1688 года «случилось нам», как пишет сам Пётр, спустя с лишком тридцать лет, в 1719 году,

[случилось нам] быть в Измайлове на льянном дворе, и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда, Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел судно иностранное, спросил вышеречённого Франца [Тиммермана], что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях, для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и якобы невероятно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал? Он сказал, что есть. То я с великою радостью

с. 53

*Розов, А. А. Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I / А. А. Розов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1855. — Т. 77, отд. 2. — С. 51—80.

улыбнувшись, велел его сыскать. И вышеречённый Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моём в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийском море; который оный бот починил и сделал машт и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевёз его на Поросяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того дня я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал её просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. И так вышеречённый Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро; но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил своё намерение прямо видеть море.

- с. 54 Вот слова самого Петра о первых его попытках в деле заведения в России флота. Чудно совпадает это событие с открытием астролябии. Это чувствовал и сам Великий Монарх: он записал эти два случая из своей жизни рядом, как бы давая тем знать, какое важное они имели значение в дальнейшем развитии его способностей. В самом деле, там Князь Яков Долгорукий случайно намекает между разговором Петру об астролябии, как о детской игрушке, и потом привозит её Петру, как детскую игрушку; а Пётр ищет себе учителя, и находит Франца Тиммермана; денно и ночью сидит за арифметикой и геометрией и изучает землемерие; равнины в окрестностях Москвы служат ему практической школою. Здесь сам он случайно нападает, между прогулкою, на английский бот предка своего, Никиты Романова; сам хочет воспользоваться этой новой потехой, как средством к образованию себя. Он ищет себе учителя, и находит Карштена или Христиана Бранта; только окрестности Москвы со своею Яузю и Поросяным прудом не могли ему служить новой школою: нужно было отыскать для этого новое место. И вот указывают Петру Плещеево озеро в Переславле-Залесском. Нужно его осмотреть и сделать нужные по этому предмету распоряжения. Сделать это не трудно. Дорога в Переславль-Залесский через Троицкий монастырь знакома была почти всем нашим Царям: все они приходили сюда поклониться Угодникам Переславским: Даниилу Игумену, Никите Столпнику и Князю Андрею. Пётр, вероятно, не скрыл от своей матери намерения побывать в Переславле и поклониться Угодникам, и она, вероятно, этому не противилась, как делу богоугодному: скрыл он от неё не путешествие, а цель, с которой он предпринимал это путешествие; не то затаил он от своей матери, что он отправляется в Переславль, а то, зачем именно отправляется.
- с. 55 У Петра между мыслию, глубоко запавшей в его душу, и её исполнением не бывало больших промежутков. В начале июня он начал кататься по Яузе и Поросяному пруду, а 30 июня отправляется он, с согласия своей матери, в Троицкий монастырь на праздник обретения мощей Святого Сергия, отсюда к Переславлю взглянуть на то озеро, которое он уже предназначил себе морской школою. Вот он в Переславле; он осматривает озеро; и в эту-то торжественную минуту застаёт его здесь первое народное предание. Предание это сохранило даже имя действующего лица со всеми подробностями: то была крестьянская жёнка села Вёськова, Устинья Ааронова. Вот её рассказ о встрече с Петром:

- с. 56 Я жала рожь (заметим, это было в первых числах июля; рожь у нас к этому времени едва ли поспевает, а если и поспевает, то чрезвычайно редко). Вдруг я вижу прямо от Горицкого монастыря, по горе, хлебом кто-то едет верхом на карем коне. За ним, не в дальнем расстоянии, тоже на конях едут ещё три человека. Тот что ехал впереди, остановился недалеко от меня и стал пристально смотреть на озеро. Долго он смотрел, и я досыта насмотрелась на него. Он был велик ростом и статен, в одежде, похожей на охотничью. Из-под шляпы с навесом видны были кудри русых волос. Лицо у него было несколько смугловато; глаза карие, быстрые; ус только пробивался. На бедре его висел меч; за поясом торчал охотничий нож; при нём был небольшой огнестрел. Вид его был строг; но я, заметивши на лице его какую-то радость, да не зная, кто он таков, а полагая, что он какой-нибудь барин охотник, сказала ему: эхче, барин, зачем хлебушко-то мнёшь! Он мне на это отвечал: не брюзжи, старуха, хорошо вам будет, и поехал далее по скату горы к Соломидину; за ним последовали и другие, в числе которых я узнала нашего Переславского наместника. Впоследствии я узнала, кто был таков этот барин. Во время стройки судов я с ним часто разговаривала, и он был такой добрый и разговорчивый со всеми, а в особенности с крестьянином Михаилом Бобровым и его сыновьями Василием и Михаилом; их он часто призывал к себе на думу при постройках. Он был даже на свадьбе и крестинах у Михаила; а Василия он взял к себе в прислуги. Некоторые из потомков сего последнего проживают теперь в Петербурге, под именем купцов Товаровых; другие же остались в селе Вёськове и доселе известны под именем Думных.

Далее продолжим рассказ о действиях Петра на Переславском озере словами г. Устрялова:

Полюбовавшись озером, Пётр спешил в Москву — испросить дозволение матери на постройку судов при Переславле-Залесском. Нежно любя сына, Царица трепетно смотрела на его огненные потехи; новая придуманная им забава — водою приводила её в ужас. Более всего она боялась частых и продолжительных отлучек его, и не без основания: до неё доходили слухи о замыслах Царевны Софьи, которые день ото дня становились дерзостнее и опаснее. Не могла Царица отказать в просьбе сына, и Карштен Брант с мастером Кортм отправился в Переславль закладывать суда. Она не теряла однако ж надежды удержать резвого Петра при себе и поспешила его женить: нашла ему невесту, молодую, прекрасную, Евдокию Фёдоровну Лопухину, и 27 января 1689 года отпраздновала свадьбу. Тщетная предосторожность!

с. 57

Едва миновал месяц и начали вскрываться реки, Пётр, оставив молодую жену, поскакал в Переславль. Там против устья Трубежа, близ Сорокосвятской и Введенской церкви, хлопотал Карштен Брант с корабельным мастером Кортм над тремя судами. Два из них были уже в отделке. В самый день приезда Царя, 20 апреля озеро вскрылось. Радостно смотрел он на зеркальную, необозримую поверхность его, на успешную постройку судов, и сам принялся помогать Бранту. Удары царского топора огласили окрестности Трубежа. «Матушка Государыня! — писал Державный плотник к Царице, немедленно по приезде, — благослови сынишку твоего Петрушку, в работе пребывающего. Озеро вскрылось; все суда, кроме большого корабля, в отделке. Только за канатами стало. Вели прислать их из Пушкарского Приказа, по семи сот сажень немедленно. Иначе житьё моё здесь продолжится». Вместо канатов, Царица-мать послала ему повеление возвратиться скорее домой, тем более, что наступало 27 апреля, когда скончался Царь Фёдор Алексеевич, и всё Царское семейство непременно бывало в этот день на панихиде в Архангельском соборе. «Дражайшая матушка! — отвечал Пётр. — Недостойный сынишка твой Петрушка челом бьёт. К Москве я был готов; только, ей, ей, дело есть. Наипокорственнее предаюсь в волю вашу». Царица требовала настоятельно, чтобы он возвратился. Звала его и молодая жена: «Радость моя, Царь Пётр Алексеевич, — писала Евдокия, — пожалуй Государь, будь к нам, не замешкав». Делать было нечего: Пётр отправился в Москву, едва поспел к панихиде, и через месяц опять ускакал на озеро Плещеево. Там уже не застал он мастера Корта, который умер за несколько часов до его приезда; но суда были почти готовы. «Все удались зело хороши, — писал Пётр к матери, — присылке же с Доктором и с Гаврилою (Головкиным) я обрадовался, как радовался Ной о масличном суке». Он не мог налюбоваться на свои суда, спешил доделать их, не имел почти времени уведомить мать о своём здоровье, как она требовала непрестанно, писал к ней наскоро, на лоскутках грязной бумаги, дрожащею рукою; очевидно измученный дневной работою, но полный радостного чувства при виде своих кораблей. «Гей! — писал он торопливо к Царице — о здравии твоём слышать желаю и благословения прошу; а о судах паки подтверждаю: зело хороши все».

с. 58

Не скоро однако ж удалось ему погулять в сооружённом трудами его ковчеге по озеру Переславскому. Его с нетерпением ждали в Москву на вторичную панихиду по Царе Фёдоре Алексеевиче, в память тезоименитства усопшего Государя: он не поспел к 8 июня, когда совершалась панихида, приехал через четыре дня, исполнил благочестивый долг брата и уже не смел отлучиться из Преображенского: до него дошли зловещие слухи.

В то самое время, когда Пётр со всем жаром своей души предавался науке и искусству, и по собственному, многозначительному выражению его «трудился яко Ной» над ковчегом возрождения России, злобная сестра, окружённая юродами, ханжами, суесвятами, крамольными стрельцами, дерзнула огласить его ни к чему неспособным.

с. 59

Целое лето Пётр употребил на то, чтобы единожды навсегда покончить дело с своею властолюбивою сестрою, чтобы окончательно уничтожить ту преграду, которая мешала ему свободно предаваться исполнению тех идей, которые день ото дня начинали в нём развиваться. Целое лето не мог он побывать в Переславле, посмотреть на новое своё изобретение и им потешиться.

Между тем, среди этих смут и волнений, топор и молот не умолкают в Переславле-Залесском. Старик Брант с целою колонией мастеров немцев, при помощи переславских рыбаков, устраивали всё нужное для того, чтобы юному Монарху на следующее лето свободнее приняться за изучение нового им задуманного дела.

Обычай наших предков не позволял сближаться с иностранцами: отдельными слободами жили они в Москве; отдельной слободой поместились они и здесь. Спросите любого жителя Переславля о тех немцах, которые жили здесь для корабельного дела; он вам покажет на гору, лежащую между Горицким монастырём и селом Вёськовым; назовёт вам её Немецкою и скажет вам, что и само название получила она от проживавших тут на Птичьем дворе немцев корабельщиков. Гора эта отстоит от речки Вёски сажень на 90, [192 м] а от самого озера на 130. [277 м] До сих пор видны следы бывших тут зданий.

с. 60

В это же время, вероятно, был устроен и двор для приезда сюда Государя на потехи. Двор Государев находился на том самом месте, на котором теперь находится здание, вмещающее в себя ботик, и которое жители Переславля называют не иначе, как дворец. Слишком заметны ещё до сих пор следы существовавшего здесь дворца со всеми необходимыми для него службами.

с. 61 Вам покажут и место, где стоял дворец, где была церковь, где кузница, где амбары и погреба; покажут вам колодец, выкопанный самим Петром. Вот в каком порядке показываются эти места. Дворец, как мы сказали, стоял на том месте, где теперь здание, вмещающее ботик: только он подходил ближе к озеру. Против дворца к озеру был сад; уцелели ещё от него до сих пор две берёзы, посаженные, по преданию, самим Петром. Против дворца в самом озере торчит несколько свай; тут, скажут вам, была пристань и тут стояли корабли. Вправо от дворца к селу Воськову была церковь, по преданию деревянная, во имя Вознесения Господня, от чего и близлежащий овраг, вероятно, получил название Вознесенского. Влево от дворца находится колодец, далее возвышение, известное под именем Гремяча, о котором будет сказано ниже; ещё далее за ним вы увидите несколько холмов, расположенных рядами: это, скажут вам, места палаток, в которых помещалось войско, бывшее здесь с Петром для потех. Позади дворца стояли амбары и погреба; за ними, немного в сторону к селу Воськову, стояла кузница, в которой трудился сам юный Монарх, сам выработывал вещи, нужные для кораблей.

Предание сохранило нам об этом ещё более: старожилы ещё подробнее рассказывают об этом дворце. Вот рассказ бывшего старосты села Воськово, Козьмы Иванова Думного, и головы Рыбной слободы Петра Фёдорова. Дворец этот, по их словам, был деревянный, крытый, один говорил, черепицею, а другой — железом; стоял он на двенадцати венцах, на пространстве восьми сажень. [36 кв. м] Оконницы, часть которых сохранилась до сего времени, были слюдяные, в одних комнатах — простые, в других — с изображением разных фигур человеческих, цветов, животных, Китайской живописи. Вход в дворец был от озера; в него вели три двери, обитые войлоком; над среднюю дверь был прикреплен на железном шпилье двухглавый орёл из листового железа. Во дворце было пять комнат; полы в них были дубовые; печи изразцовые муравленные с изображением людей, птиц, цветов, зверей; до сих пор выкапывают остатки этих изразцов.

Таким образом, вот насколько в этом году (1689) могла осуществиться задуманная Петром мысль: мы с большим вероятием можем предполагать совершенно оконченными два фрегата и три яхты, о коих упоминает сам Пётр; также можем предполагать оконченным дворец для его помещения, известие о котором сохранила нам память народная. Итак,¹ в 1690 году должно было начаться плавание по Переславскому озеру, должны были потехою начаться уроки, с помощью которых восемнадцатилетний Монарх решил изучить одну из важнейших отраслей государственного управления — мореплавание.

с. 62

Действительно, к 1 мая 1690 года мы встречаем Петра здесь, для спуска новой флотилии. День этот был одним из торжественных дней в жизни Петра, обильной подобными событиями: задуманная им мысль осуществилась; корабли, по его слову, зело удались все; оставалось только испросить благословения церкви и приняться за новую науку. Исполнив 1 мая обряд церковный, освятив юную свою флотилию, Пётр вполне предался своему новому удовольствию; несколько недель сряду плавал по озеру и управлял своими фрегатами.

Народное предание сохранило нам это событие в более подробном виде. Вот оно:

В Рыбачьей слободе, на устье Трубежа, прямо против того места, где, по преданию, строились корабли и где до сих пор ещё стоят сваи, по обеим сторонам реки Трубежа стоят две церкви; по правую — во имя Введения Божией Матери, по левую во имя Сорока Мучеников. Задолго до Петра, с незапамятных пор из этих двух церквей в шестое Воскресенье бывал ежегодно крестный ход на озеро для водоосвящения. В год спуска кораблей случайно ли 6-е Воскресенье совпало с самым днём спуска, или так распорядился Пётр, чтобы дать новому делу более торжественный вид; только с этой целью для освящения своих фрегатов Пётр даёт этому ходу вид более великолепный; вместо прежнего хода из двух этих церквей, он учреждает крестный ход из церквей целого города. Торжественная процессия по его распоряжению началась из собора и шла к реке Трубежу. Близ того места, где теперь проходит через неё городской мост, духовенство с иконами и хоругвями разместилось по приходам на рыбацких лодках, нарочно для того приготовленных, разделилось на две части по обоим берегам реки и в таком виде тихо отправилось к устью Трубежа к храмам Введения и Сорока Мучеников. Здесь оно с обеих сторон было встречено духовенством означенных

с. 63

¹По исследованиям г. Устрялова, должен быть 1690 год, по Голикову — 1692.

церквей. В обеих этих церквях в одно время началась божественная Литургия; по окончании оной, в одно время вышла торжественная процессия из обоих храмов и в прежнем порядке отправилась к фрегатам Петра. Между тем, по слову Петра, для этого торжества явилось сюда новое, им самим созданное войско — потешные, чтобы приветствовать рождение Русского флота. Недалеко от дворца, влево от него, оно устроило небольшое возвышение, поставило тут свои пушки, само выстроилось в боевой порядок, и только ждало первого движения нового флота, чтобы встретить его залпом орудий. Место, им устроенное, называется Гремяч, от грома пушек, скажет вам житель Переславля, из которых палили во время спуска фрегатов в озеро.

Лишь только духовная процессия приблизилась к юной флотилии, она, предводимая своим юным творцом, при гrome пушек и мелкого орудия Потешных, при восклицании — ура! бесчисленного народа, сделала первое своё движение и вышла на середину озера. По данному знаку всё умолкло; началось священнодействие. По окроплении святою водою новой флотилии, снова раздался гром орудия, снова повторились восклицания радостного народа. Процессия пошла обратно; а юный Монарх, при гrome орудий, пустился тешиться новою потехою по озеру.

с. 64

Вот как, по народному преданию, начались первые действия Петровой флотилии на Переславском озере.

Здесь до сих пор празднуется торжественно день рождения Русского флота: до сих пор каждый год, в шестое Воскресенье, повторяется та же процессия, в таком же порядке, с такими же обрядами, с тою только разницею, что уже нет и следов юной флотилии, не раздаётся гром орудий с Гремяча, не слышно радостных восклицаний народа и самые лодки уже не заходят так далеко в озеро.

Любя во всём порядок и подчинение, Пётр скоро своей потехе даёт организацию и ясно высказывает предназначенную ей цель; даёт новой флотилии Генерал-Адмирала, бесспорно, со всеми ему подчинёнными морскими чинами. То был Франц Яковлевич Лефортов. Оказав Петру беспримерную верность в самую трудную минуту его жизни, он сделался первым его любимцем. Безграничная верность, весёлый нрав, особенное умение угодить во всём юному Монарху — всё это чрезвычайно нравилось Петру в новом его любимце. Ещё прежде, получив от Петра в дар за свои услуги огромный дом, прозванный в последствии Лефортовским, он умел в знак благодарности кстати потешить его примерным морским сражением. Таким образом, под руководством своего нового любимца, Пётр принялся изучать науку мореплавания. Как он изучал эту науку, в чём заключались его потехи и упражнения? Этому мы до сего времени не знаем ни из Истории, ни из преданий. Помнят только жители Переславля, что здесь часто бывала пушечная пальба.

с. 65

Вот краткие и отрывочные известия, какие мы имеем о времени пребывания Петра в Переславле-Залесском и из истории, и из преданий:

В год открытия плавания по озеру Переславскому, 1 августа Монарх приказал быть крестному ходу на озеро. Во время погружения креста, сам он с фрегатов стрелял из пушек. Между тем стоявшая на берегу строем пехота, под командою Генерала Гордона, палила из ружей и пушек. В 1692 году Лука Михайлов Хабаров привёз сюда, по именному указу, из Москвы на озеро, в Великий Пост шлюпки и карбузы. В 1693 году Князь Михаил Михайлович Голицын был в Переславле во время построек кораблей и в 1694 пожалован здесь Прапорщиком. В 1693 году сам Пётр приезжал сюда февраля 9, марта 3, июня 23, июля 25 и из последней поездки он прибыл в Преображенское 30 августа. Страшна и опасна сначала показалась матери придуманная Петром потеха — водою; но могучее время делает своё дело: впоследствии его мать, супруга и сестра Наталья Алексеевна отправились в Переславль посмотреть на юную флотилию и полюбоваться плаванием — первая сына, вторая — супруга, а последняя — брата.

К этим немногим историческим известиям присоединим ещё предания, относящиеся к этому времени и доселе сохранившиеся в Переславле.

Бывший голова Рыбной слободы Пётр Фёдоров рассказывал про своего предка следующий случай: в шестое Воскресенье, вечером, выехал он, при ясной погоде, в озеро, покататься с своею женою и гостями. Вдруг поднимается сильная туча. В то время, когда им угрожала неминуемая опасность, является со своими матросами Монарх и подаёт им помощь.

с. 66

Переславский второй гильдии купец Михаил Петров Попов рассказывал о своём прапрадеде, Андрее Алексееве Попове, следующее: это было в первый год пребывания Петра в Переславле. Прапрадед его был соколиным помытчиком. Будучи на охоте в заповедном месте, что ныне Ивановское болото, в 12 верстах [13 км] от Переславля, он сидел и готовился накрыть сеткою налетавшего сокола. В эту минуту Царь Пётр проезжает мимо с охоты, приближается к ловчому и спугивает сокола. Разгорячённый Попов, не узнав Петра, вскричал: убью! Пётр на это отвечал:

как ты смеешь! я твой Царь! — Государь! сказал ловчий, я исполняю тобою же повелённое. Пред тем только вышел указ, дозволяющий силою убивать того, кто на охоте подойдёт к ловчему и будет спугивать птицу. Пётр подарил Попову за такой ответ из своих рук шубу и пожаловал его в соколиные старосты.

В Фёдоровском девичьем монастыре до сих пор показывают келью, в которой жила Мама Петра, и отсюда, по поручению его матери, наблюдала за действиями своего питомца. В бытность свою в Переславле, Пётр часто её навещал и с нею беседовал. В последний раз навестил он её тогда, когда она уже лежала на смертном одре. Он оставил ей мешок с голландскими гульденами. Эти деньги она завещала монастырю на возобновление и украшение иконостаса. Памятником её пребывания в этом монастыре остался образ с чудотворными мощами, которым благословила её Царица Наталья Кирилловна.

Иконостас Никитского мужского монастыря устроен, как говорят, по плану, составленному самим Петром, и на сумму им пожертвованную.

Вот всё, что сохранила память народная в Переславле о времени пребывания там Петра.

Натешившись, сколько ему было угодно, и вместе изучив дело мореплавания, сколько позволяли здесь средства, Пётр задумал большее — видеть море и плавать на его поверхности. Не удовольствовавшись Кубенским озером, он 4 июня 1693 года отправляется с этой целью в Архангельск. Что случилось с флотилией Петра на Переславском озере, что случилось со всем, для него приготовленным, скажем об этом как по свидетельствам историческим, так и по народным преданиям.

В 1722 году, в феврале, в бытность Князя Семёна Фёдоровича Барятинского Воеводою в Переславле-Залесском, Пётр по какому-то случаю проезжал через Переславль. Естественно, вспомнил он здесь былое, вспомнил те суда, которые были родоначальником нашего флота, и на которых он провёл столько светлых минут в своей первой молодости. Не в желанном, кажется, порядке и не в надлежащей сохранности застал он их. И вот в самом Переславле 7 февраля Монарх даёт такой Указ, писанный собственною рукою Его Величества:

с. 68 Указъ Воеводамъ Переславскимъ.

Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры; а буде опустите: то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшии сей указъ.

Пётръ.

Въ Переславлѣ во 7-й день Февраля 1722 года.

Указ этот до сих пор сохраняется в здании, вмещающем в себя ботик, в обделанной малиновым бархатом книге с следующим любопытным заглавием: «Книга, в которой Именной Указ Его Императорского Величества собственной Его Величества руки о сохранении в Переславле остатки кораблей, яхт и галеры, писанной в Переславле февраля 7 дня 1722 года на восьмом листу, которой получен в бытность в Переславской провинции Воеводою Стольника Князя Семёна Фёдоровича Барятинского, и в сей книге четырнадцать листов». В этой же книге переплетён Указ Императрицы Елизаветы Петровны к Переславскому Воеводе о праздновании Шведского мира, данный в Санкт-Петербурге 22 июля 1743 года.

Из Указа Петра и из его письма к Князю Ф. Ю. Ромодановскому от 31 декабря 1697 года мы можем определить, какая участь постигла Переславскую флотилию. Из письма узнаём, что построенный мастером Классом корабль весною 1698 года проведён через Вёксу, Сумино и Нерль в Волгу; такая же участь, вероятно, постигла и другие корабли, годные для употребления, тем более, что обстоятельства времени настоятельно их требовали на Волге и Дону. Из указа Петра узнаём, что оставшиеся в Переславле корабли, яхты и галеры были сперва без всякого надзора, доколе сам Пётр лично на них не обратил внимание. Вследствие Царского указа, они тщательно хранились в Переславле. В памяти народа сохранилось ещё до сего времени предание, что с этой целью было выстроено особенное деревянное здание близ церкви Знамения Пресвятой Богородицы, отчего в последствии и сама церковь получила название Знамения, что при кораблях; а не от того получила это название, как некоторые думают, что будто тут строились корабли; они строились против устья Трубежа, близ церкви Сорока Мучеников и Введенской, где до сих пор ещё видны сваи; это место от церкви Знамения довольно далеко. До сих пор показывают место, на котором лежали остатки Петровой флотилии. Во время бывшего в Переславле пожара, как продолжает далее народное предание, сарай с остатками

флотилии сгорел, и из них усердные жители Переславля успели сохранить только ботик, несколько блоков и других снастей, которые до сих пор сохраняются в здании ботика. Чтобы подобная участь не постигла и эти немногие остатки, с этой целью жители Переславля устроили на том месте, где стоял дворец, особенный деревянный балаган и там поместили всё, что осталось от флотилии Петра. В таком виде хранился ботик с другими корабельными вещами до 1802 года, о чём скажем ниже.

Об участии бывшего в Переславле Государева двора предание рассказывает различно: одни говорят, что этот дворец со всеми службами был перевезён Переславским Преосвященным Епископом Феофилактом на берег озера Маринкина, в семи верстах [7 км] от Переславля, по Московской дороге, где действительно был Архиерейский дом и он сломан только в начале настоящего столетия; другие говорят, будто бы дворец этот купил купец Угрюмов и перевёз его в Переславль, и будто бы Императрица Екатерина, во время своего путешествия, останавливалась в этом доме. Все орнаменты, окна, двери и разные вещи дворца были оставлены при ботике и часть их сохраняется до сего времени в целости.

с. 70

Та же участь постигла и церковь: она пришла в ветхость и была упразднена. Иконы из этой церкви были переданы в церковь села Веськова. До сих пор, говорят, эти иконы стоят в иконостасе и составляют местные образа.

Во всей целости сохранился только один колодец — творение, по преданию, рук самого Петра. Жители окрестных стран питают к нему особенное уважение.

О самом ботике — этом единственном остатке Петровой флотилии на Переславском озере, вы услышите от жителей Переславля двоякое мнение: одни вам скажут, что это тот самый бот, который нашёл Пётр в амбаре своего деда Никиты Ивановича Романова; другие скажут, что это бот, построенный самим Петром.

Вот, наконец, и исторические известия о селе Веськове, столь тесно связанном с ботиком Петра:

Во время постройки флотилии и во время плавания её по озеру, крестьяне этого села употреблялись на различные работы, для этого необходимые. Потом, по прекращении плавания, оно, как и прежде, поступило в дворцовое ведомство и находилось в оном до 1762 года. 7 декабря 1762 года оно, вместе с Рыбной слободой, было пожаловано Императрицею Екатериною II Лейб-Гвардии Конного полка Ротмистру Бутакову с сестрою его Фрейлиною. Таким образом село Веськово поступило в род Бутаковых. В 1773 Рыбная слобода была продана Бутаковыми снова в Дворцовое ведомство. По прекращении рода Бутаковых, село Веськово перешло по наследству к Нечаевым. По этому случаю произошёл спор у Нелидовых, объявивших свои права на это село, с Нечаевыми. Дело производилось в Правительствующем Сенате и 1828 года оно решено было в пользу Гг. Нелидовых. В 1840 апреля 4 дня это имение куплено было Коллежским Ассессором Иваном Трофимовым Емельяновым. В 1846 году Владимирское Дворянство, не желая, чтобы место, ознаменованное рождением Русского флота, находилось в частных руках, приобрело это село покупкою за девяносто тысяч рублей ассигнациями на пожертвованные им самим деньги, о чём сказано будет ниже.

с. 71

В 1802 году в первый раз было обращено деятельное внимание на сохранение остатков бывшей в Переславле флотилии Петра I. В этом году был назначен во Владимир Губернатором просвещённый вельможа Князь Иван Михайлович Долгорукий. Обозревая вверенную ему управлению Губернию, он не мог не обратить своего просвещённого внимания на драгоценные остатки, лежавшие без всякого присмотра на берегу Переславского озера, в деревянном сарае. По его предложению, Переславское Дворянство тотчас приступило к сооружению приличного здания для сохранения этих остатков. При этом предположено было устроить помещение для призрения шести инвалидов-матросов. В этом деле особенную ревность показал переславский помещик, Генерал от Кавалерии Степан Степанович Апраксин: он из собственных доходов назначил содержание одному матросу. Покойный Государь Император Александр Павлович обратил своё Монаршее благоволение на такие распоряжения нового Губернатора и почтил его Высочайшим Рескриптом, и этот Рескрипт был первый, полученный Князем Долгоруким. Через год здание было готово. На нём до сих пор сохраняется следующая простая надпись, сделанная по мысли Князя: «Петру Первому усердный Переславль». В 1803 году последовало открытие здания и перенесение в него ботика Петра I с приличным торжеством, на котором присутствовал сам Князь Долгорукий и которое он сам описал с чувством истинного патриота. Вот как он заключает это описание: «Я мысленно переносился за столетие назад; воображение моё кипело; сердце трепетало от радости, что привёл меня Владыка всех миров исполнить патриотическое сие предприятие». Как Поэт, он выразил свои чувства в следующей оде:

с. 72

с. 73

.....

 И ты, волна Петру любезна,
 Плещева озера, гордись!
 России долго был полезна,
 Пловцу великому дивись!
 Играй серебристыми струями,
 И купно с нашими устами
 Провозвести его дела!
 Его ты юность забавляла,
 Его фрегаты колебала
 Под флагами его текла.

На зыби вод твоих незлобных
 Он мерил страшный океан;
 К геройству подданных способных
 Готовил плыть вокруг всех стран.
 Он рек — и флот единым словом
 России в элементе новом
 Примером сильным доказал,
 Что в мире всё тому подвластно,
 Чьё сердце подвигами страстно,
 Кто пылко славы возжелал.

Сей первый шаг в водах стеснённых
 Казался юноше игрой;
 Но плод забав столь просвещённых
 Умел предвидеть наш Герой:
 Он знал, веслами управляя,
 Бесстрашно бури побеждая,
 Что флот Российских кораблей
 Во времена Екатерины
 Преодолеет все пучины,
 Уроки даст вселенной всей.

Се день, благоприятный ныне;
 Восторжествуй его, народ!
 Благодарение судьбине!
 Ты долг соблюл тех Воевод,
 Которым Пётр своей рукою
 В Указе резкою чертою
 Сам заповедь здесь начертал,
 Дабы суда его любимы
 Оберегались невредимы.
 Успех твой труд в том оправдал.

с. 74

Блаженны предков тех потомки,
 Закон Монарший сохранив!
 Вы даже стен спасли обломки,
 В которых Пётр Великий жив.
 Отважной мыслью занимался;
 Пылая славой, не гнушался
 Принять от плотника совет.
 В руках того, на ком порфира,
 Мне мнится слышать, как секира
 Ударов звуки раздаёт.

Воззрите, древние дворяне,
 С восторгом на сии брега!

Сто лет тому, как Россияне
Здесь зрели юного Петра;
В сей день, для здешних стран блаженный,
Когда с крестами ход священный,
На лодках был носим волной,
Он сам своим тут судном правил,
Полки вокруг и пушки ставил,
Чесмы прообразуя бой.

Воспламени воображенье,
Сын мужественная земли,
И сердца в сладком упоеньи
Екатерины вспомни дни!
Жена, всех выше жён на свете!
Тебя в таинственном совете
Назначил перстом сам Творец
На то, чтоб мир пленить войною,
Отечество стяжать душою,
Умом привлечь миллион сердец.

Любить Царей есть добродетель,
Есть долг отечества сынов;
Коль Царь народа благодетель —
Он образ истинный богов.
Но в отрасли Екатерины,
В Праправнучке Петра судьбины
Щедрот умножили залог;
Наш дух почувствовал блаженство,
Познал дней мирных совершенство.
Чего бояться?.. С нами Бог.

с. 75

Для громких дел, но бесполезных,
Одна минута часто — век;
А дел благих и свойств любезных
Забуть не может человек:
Сто лет тогда, как миг проходят,
И в свежей памяти находят
Цари у подданных себя.
Так Пётр и нам вообразился;
Но твой не призрак здесь явился, —
Праправнук воскресил тебя.

Прими, о Пётр! посильну жертву,
Котору жители сих стран
Тебе приносят уже мертву,
Но живу в сердце Россиян;
Сей дом, не зодчеством надменный,
Усердием сооружённый
На то, чтоб ботик твой вместил,
Тебе да будет столь угоден,
Сколь был твой подвиг превосходен,
Сколь он нас славой озарил!

Тщеславье здесь не укорится —
Не для него сей создан храм;
Тот мал, кто, жертвуя, стремится
Себя возвысить только сам.
Дворянство цель предполагало,
(Апраксин сделал к ней начало)

Чтоб инвалидов поместить,
В матросском звании их избравши,
Петру сугубо тем воздавши,
От зол их дряхлость оградить.

с. 76

Успех в том будет всеконечно,
Мне ведом переславцев дух;
Отечество любя сердечно,
Из них ему всяк сын и друг.
Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложив доспехов бремя,
Матрос, опершись о костыль,
Детей вокруг себя собирая,
На волны быстрый взор кидая,
Расскажет им чудесну быль.

Дела Петровы вспомнив ясно,
Иль от преданья сохранив,
В своих рассказах безопасно,
Не утрашась быть справедлив,
«Вот здесь-то» скажет: «Царь-надёжа,
Не на боку лишь только лёжа,
Трудился сам и строил бот!
Вот тут он им изволил править,
Умел-ста родину прославить,
Стоять горазд был за народ».

Сказал — и слёзы покатались
Из-под седых его ресниц.
Геройски чувства возродились,
В восторге пал на землю ниц...
О, Россов племя бесподобно!
Во всех веках тебе удобно
Собой вселенную дивить,
К делам отважным воскрыляться
В гражданских свойствах отличаться,
Царям, Отечеству служить!

с. 77

И ты, подъяв чело кичливо,
Названьем славящийся мыс!
Сие хранилище, как диво,
Пред любопытными возвысь!
И в ясны дни и в светлы ночи
Да будут всех проезжих очи
Стремиться бросить взор сюда;
Да узрят дом сей и вещают:
«Се тако переславцы знают
Царям усердствовать всегда!»

Алтарь сей славы не погибнет —
Его Всесильный соблюдёт;
Не всеу памятник воздвигнет,
Кто Бога в помощь призовет
Монаршим к нам благоволеньем,
И подданных благоговеньем,
Как ныне, будет вечно нов!
Придут ещё Петру дивиться,
Дворянством Русским похвалиться,
Сто лет спустя, — сыны сынов!

Предсказание Поэта исполнилось: Дворянство постоянно показывало своё усердие к сохранению приличным образом этих драгоценных остатков Петровой флотилии. Здание, сооружённое для сохранения ботика, находилось под присмотром матроса-инвалида, содержимого на счёт Генерала от Кавалерии Степана Степановича Апраксина при содействии крестьян из ближайших селений казённого ведомства. В 1830 году в первый раз обращено было внимание на недостаточный за зданием присмотр, и Дворянство стало придумывать новые к тому средства.

В 1833 году здание стало приходить в ветхость и потребовало различных поправок. Дворянство Переславского уезда приняло это дело на себя, и на собственные суммы сделало нужные исправления.

Между тем возник вопрос о перевозке ботика Петра I в Санкт-Петербург. Владимирское Дворянство, на общем съезде Предводителей и Депутатов, 1836 года апреля 27 дня положило, для возведения караульни для трёх сторожей при здании ботика, сделать сбор со всех дворянских имений единовременно по десяти с половиною копеек с каждой ревизской души. На собранную таким образом сумму в 1842 году были сооружены каменные казармы со службами, для помещения трёх матросов, по одобренным Главным управлением путей сообщения и публичных зданий проекту, смете и планам. При этом случае и само здание было возобновлено и исправлено.

Наконец в 1846 году некоторые обстоятельства навели Владимирского Губернского Предводителя Дворянства на ту мысль, что месту, ознаменованному действиями Великого Петра, неприлично находиться в руках частного владельца. По его представлению и в следствие возникшей по этому случаю переписки, Владимирское Дворянство решило приобрести себе это место покупкою имения г. Емельянова, во владениях которого находилось означенное место. Покупка произведена была таким же образом, как сооружение казарм для трёх матросов, единовременным сбором со всех дворянских имений Владимирской губернии. Имение это было приобретено Дворянством за 90 000 ассигнациями. По этому случаю Государь Император высочайше изволил так отозваться: «Поступок этот вполне достоин чувств Владимирского Дворянства, как Его Величество всегда разумел оное».

Не ограничиваясь этим, Владимирское Дворянство начало помышлять о сооружении здесь памятника Великому Преобразователю России, творцу Русского Флота. И вот 1850 года августа 17 дня Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, во время своего проезда через Переславль, положили первые камни в основание памятника Петру I.

Вот что сохранило время из остатков Петровой флотилии и его дворца, здесь бывшего:

1. Двадцать четыре иконы, которые от времени полиняли.
2. Собственноручный Императора Петра I Указ Переславским Воеводам о сохранении ботика, 7 февраля 1722 года.
3. Российский герб из жести на железном шпиле, вероятно, бывший над входом во дворец, как говорит предание.
4. Ботик Петра I с тремя кольцами и железною посредине связью.
5. Семь якорей, из коих шесть больших, двухлапных, а седьмой маленький трёхлапный, с тремя кольцами.
6. Несколько оставшихся лоскутьев от парусов.
7. Больших блоков от судов 47, и малых 48.
8. Деревянных гнилых спиц, оставшихся от палаток, 12.
9. Рулей деревянных с железными полосками 19.
10. Мачт с блоками и принадлежащими к оным железными крюками и верёвками 18.
11. Два флажные древка с деревянными яблоками.
12. Оставшийся от часов деревянный круг с железными прутьями и четырьмя колёсами.
13. 4 пушечные чугунные ядра.
14. Петель: больших 11, маленьких 9, подставки, цепи, закладки, пробой, скобы, кольца.
15. Два железные большие котла, одно жестяное ведро, 6 кузнечных мехов, корабельное точило, 1 печной и 3 трубных заслона, 4 топора, 2 тесла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей.
16. Оконниц слюдяных решетчатых 150, с изображениями Китайской живописи 4; 11 зимних твёрдых втулов, обитых войлоками и 6 ветхих; 6 обитых войлоками дверей; несколько войлоков.

с. 78

с. 79

с. 80

17. Два большие стеклянные полштофа, большая деревянная ступа и маленький ящик с ручьяткой, столовая доска с железными петлями, две деревянные колодки для плетения лаптей, 14 шестиков небольших красных, резной без головы лев, вырезанный на доске, несколько вантов, снастей с юнгферами.

Старший Учитель Владимирской Гимназии
А. Розов.

Автор «Исторической записки» А. Розов вместо «Карштен» пишет «Каштрэн»; это исправлено. Текст даётся в оригинальной пунктуации. — *Ред.*